

легализация в России свободного литературного творчества, к которому он побуждал русских публичным чтением своих стихов и своими высказываниями. Избавившийся при знакомстве с русскими от некоторых ошибочных представлений о них, Фрост, в свою очередь, был в их глазах не тенденциозным художником, а продолжателем живой литературной традиции. Например, Евтушенко, покинувший пресс-конференцию в аэропорту до ее завершения, потом пригласил Фроста на ужин и несколько раз непринужденно беседовал с ним в неофициальной обстановке. Подвергшийся в конце 1962 года резкой критике за самовосхваление и позерство, Евтушенко в январе 1963 года послал Фросту простую, искреннюю телеграмму: “СЕГОДНЯ СНОВА И СНОВА ЧИТАЛ ВАШИ СТИХИ Я СЧАСТЛИВ ЧТО ВЫ ЖИВЕТЕ НА ЗЕМЛЕ”.

Общение Фроста с русскими на первой пресс-конференции в московском аэропорту скорее походило на монолог. Я чувствовал, что они с почтением относятся к преклонному возрасту Фроста (ему было восемьдесят восемь лет), но ждут от него выступлений в духе Карла Сэндберга, который побывал в России за год до этого и повсюду играл на своей гитаре.

”Я приехал, чтобы говорить с вами о науке, искусстве, спорте, великой музыке и, разумеется, поэзии, — сказал Фрост. — Мы восхищаемся друг другом, не правда ли? Великие нации восхищаются друг другом, им не доставляет удовольствия принижать друг друга. Выискивать друг у друга недостатки”.

Русские безучастно улыбались, как равнодушно-безликая вереница встречающих на торжественном приеме. Казалось, они находятся здесь не по своей воле. Казалось, им скучно. Корреспонденты продолжали задавать Фросту вопросы, Фрост продолжал отвечать, две распорядительницы суетились, нервно следя за каждым движением присутствующих, как